2020-й породил много ассоциаций и метафор. Ими полна переписка в соцсетях. Не каждый год — повод для фольклорного творчества, и в этом признак его всенародного, даже общечеловеческого признания. Предшествующие годы были полны апокалиптических предсказаний, и они вошли в моду в определенных кругах. Метафорой о «четырех всадниках» оперировал даже генсек ООН. Но в 2020-м «черные лебеди» так убедительно взмахнули своими крыльями, что всуе прибегать к одному из самых основополагающих текстов человечества стали заметно реже, будто боясь себе признаться: а вдруг это он и есть?

Пандемия ковида, безусловно, определила мрачный облик этого года, затмив многие другие, драматичные и позитивные, события и процессы. Как минимум три обстоятельства стоит выделить особо.

Во-первых, популяция нового вируса пополнила и без того пеструю коллекцию опасных живых сущностей, отнюдь не мирно сосуществующих с человеком. И хотя в давние времена тоже находились игроки, пытавшиеся воспользоваться эпидемиями в своих целях, все-таки новизна ситуации просматривается. Никогда прежде наука и практическое производство не были в состоянии так быстро и на глубинных уровнях «редактировать» генетические коды и синтезировать новые сложные составы. Никогда прежде не было инфраструктуры глобальных коммуникаций, практически гарантирующих всемирное «опыление». Вспышки не менее опасных эпидемий в начале этого века все-таки не выходили за пределы ограниченных ареалов. Никогда прежде не было такого всемирного ответа на угрозу, пусть и суматошного, диаметрально противоположного в ряде случаев.

Александр Агеев
www.ageev.net
DOI: 10.33917/es-8.174.2020.5

ДЕРЗОСТЬ ТОЛКОВАНИЙ

Во-вторых, пандемия сопровождается форсированной цифровизацией всех сфер жизни. Она стала второй, не менее сильной, тенденцией развития всех форм жизни и самосознания в частности. Цифровизация сама действует как форс-мажор, призванный как бы компенсировать неудобства от принудительного социального дистанцирования и изолирования. Но у нее своя логика, полноценное и критическое восприятие которой очевидно подавлено. В любом случае независимо от пандемии разворачивается массированная трансформация, ведущая к новому технологическому базису.

В-третьих, и пандемия, и технологическая трансформация беспощадно взламывают сложившийся способ жизни социума. Задолго до 2020-го звучали предупреждения о «цивилизационном масштабе» грядущих перемен. Они настали. И ребром поставили вопрос о смысле жизни вообще и в это время в частности. Страна всего лишь за два поколения пережила радикальный слом системы образующих ее ценностей, возникших в 1940–1960-е годы, которые сегодня оказались востребованы, будучи еще недавно поруганы. «Никогда такого не было, и вот — опять...» В каждой шутке есть доля шутки.

Для каждого в отдельности все эти макропроцессы предстают как непрошенная, сама явившаяся, новая картина мира. Новизна — в резком укорочении горизонта планирования своих действий. Новизна — в цепенящем страхе непосредственных контактов с другими у одних и нарочитом стремлении к «тусовкам» у других. Новизна — в радикальном пересмотре отношения к здоровью наряду с ковидодиссидентством. Новизна в ужесточении социальной борьбы и моральных безобразий на фоне массового снижения уровня жизни и все более тревожной международной обстановки. Такое бывало в недавней истории, и забыть ли, «если ворон в вышине»...

Как в этой обстановке не убояться «ужасов в ночи, стрелы, летящей днем, язвы, ходящей во мраке, заразы, опустошающей в полдень»?

На что или на кого уповать? Для знающих ответ предельно прост.

Ищущие одну из подсказок могут найти у отца Всеволода Шпиллера, который в 1972 г. в письме председателю общества «Великобритания — СССР» сэру Джону Лоуренсу размышлял о «глубоком кризисе» в «мире, где... все трещит под ураганным натиском самых неожиданных перемен», и заключал: «Да, это Апокалипсис. Но действительно часто являющиеся перед нами образы его нас не пугают. Потому что толкование их в каком-нибудь определенном смысле кажется непозволительно притязательным и дерзким...»